

24. Архіў касцёла Найсвяцейшай Тройцы в. Ішчална. – Спр. б/н. Akta kościelne, 1836–1854 гг.; 1929–1982 гг.

25. Архіў касцёла Найсвяцейшай Тройцы в. Ішчална. – Спр. б/н. Akta rządowe, 1846–1868 гг.

26. Архіў касцёла Святой Тэрэзы Авільскай г. Шчучын. – Спр. б/н. Дакументы за савецкі перыяд у россыпу, 1860–1991 гг.

27. Архіў касцёла Найсвяцейшай Тройцы в. Ішчална. – Спр. б/н. Rachunki kościelne, 1924–1937 гг.

28. *Сыцько, К. В.* Паміж цывільным і рэлігійным: да пытання адлюстравання гістарычнай рэальнасці ў наратыўных крыніцах 30-х гг. XX ст. (на прыкладзе крыніц па гісторыі Лідскага дэканата) / К. В. Сыцько // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2016. – том 45. – С. 115–140.

29. *Кунцэвіч, А. А.* Архіў Лідскага дабрачыння / А. А. Кунцэвіч // *Лідскі летапісец*. – 2013. – № 3(63). – С. 27–65.

30. *Boyarunets, H.* Zapisy o Krzyżu i Kaplicy w Cwiermah / H. Boyarunets. – Lida: з дакументаў Лідскага Фарнага касцёла Узвышэння Святога Крыжа, 1936. – 50 с.

(Дата падачы: 02.02.2017 г.)

С. В. Теленёв

Мозырський государственный педагогический университет
имени И. П. Шамякин, Мозырь

S. Telopen

Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin,
Mozyr

УДК 342.5(091)(045)

ВОЕННАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ИДЕНТИЧНОСТИ НОБИЛИТЕТА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

MILITARY AND ADMINISTRATIVE ACTIVITY AS THE FACTOR OF NOBILITY IDENTITY OF ROMAN EMPIRE

Статья исследует роль военной и административной деятельности в системе ценностей римского нобилитета, значение следования этим ценностям установкам для поддержания авторитета и приобретения власти в Римской империи. Делается вывод об обусловленности аристократической идентичности соблюдением кодекса поведения успешного управленца.

Ключевые слова: принципат; императорская власть; императорские легаты; военные трибуны; аристократия; нобилитет; всадничество

The article examines the role of the military and administration in the system of values of the Roman nobility, the meaning of this value system follow for maintaining the authority and power gain in the Roman Empire. The conclusion is about the conditionality of aristocratic identity compliance with the code of conduct a successful official.

Key words: Principate; Imperial Power; Imperial legates; military tribunes; aristocracy; nobility; equites.

Как справедливо замечает известный российский антиковед А. Б. Егоров, «римская аристократия была, вероятно, одной из самых государственных аристократий в истории человечества и существовала как корпорация, объединенная вокруг государства, государственной службы и государственных органов» [1, с. 123]. Действительно, если говорить об эпохе Римской империи, биографии не только сенаторов и полководцев, но также и императоров показывают, что аристократический этос (стиль жизни, основанный на социально обусловленной морали) во многом воплощался в *cursus honorum* (карьера, выражавшаяся в прохождении череды формально выборных государственных должностей). Этот *cursus honorum* мог приводить к власти не только представителей патрицианских фамилий, но иногда даже сыновей вольноотпущенников. Так, например, императорами стали сыновья бывших рабов: в 193 г. – Пертинакс, а в 235 г. – Макрин. Однако более ординарным, конечно, было выдвижение на высшие посты представителей сенаторских семей. Лишь к концу II в. этот слой все более отодвигается от власти представителями провинциального всадничества.

Одним из в чем-то типичных представителей римской имперской элиты эпохи усиления провинциальной знати был Септимий Север, ставший императором в 193 г. Насколько нам известно (главным образом из эпиграфических источников), он происходил из относительно старой всаднической семьи, представлявшей североафриканскую романизованную знать [2, р. 87–107]. Как установил Т. Барнес, брат деда Септимия Севера одно время жил в Риме, где был дружен с прославленным поэтом Стацием [2, р. 88]. Факт этой дружбы, учитывая то, какое большое влияние оказывали прославленные поэты и их искусство на жизнь римской знати, косвенно указывает на интегрированность рода Септимиев в этическое сообщество римского нобилитета. Но если этот этос воплощался в *cursus honorum*, то в чем заключалось его ценностное содержание? Здесь следует обратиться к сочинениям самих римских историков императорского времени. Тацит, например, о смерти выдающегося деятеля Луция Пизона Тацит пишет, что «на посту префекта города Рима... он выполнял свои обязанности с удивительным чувством меры» (Тас. Анн. VI. 10. – Пер. А. С. Бобовича). Управленческий авторитет, таким образом, зависел от качества выполнения официальных обязанностей. Но, с другой стороны, само занятие той или иной ступени *cursus honorum* было здесь необходимым условием самореализации в качестве представителя нобилитета. Прежде всего, положение магистрата и вообще императорского назначенца обеспечивало аристократу пребывание в поле зрения граждан, аристократического сообщества и самого императора, что позволяло такому назначенцу демонстрировать свои якобы природные качества (Сис. Ер. ad Q. fr. I. 1. 9, 41, 42; Plin. Ер. VIII. 24, IX. 5, X. 25).

Строго говоря, достоинства, отражаемые нарративными источниками, представляли собой неизменные качества аристократа – честность, храбрость, сдержанность (Сис. Ер. ad Q. fr. I. 1. 46, ad fam. II. 12. 3; Plin. Ер.

X. 26, 86b). Однако лишь занятие высокого административного и военного поста позволяло проявить эти качества, при других обстоятельствах как бы не актуальные. Например, это относится к столь желанной для нобилей военной славе, визуально у римлян знаменовавшейся прежде всего триумфальными почестями (Тас. *Ann.* IV. 26, XI. 18; *Cic. Ep. ad fam.* II. 10. 3) [3, p. 348–362]. Разумеется, приобрести репутацию знатока законов и справедливого судьи также было легче, выполняя судебские полномочия в качестве претора, префекта, легата и т. д. (*Plin. Ep.* IX. 5; *SHA Pius X.* 2; *Amm.* XIV. 6. 10).

Однако то, что было достаточно наглядным в Риме, применительно к наместникам провинций или командирам легионов, исполнявшим свои обязанности далеко от столицы, в Риме могло быть не столь заметным. Тем не менее, как видно из источников, успехи даже не самых знатных администраторов и военачальников, проявленные в провинциях, вполне могли привлекать внимание знатного сообщества, поскольку известия о действиях провинциальных руководителей в Рим приходили непрерывно. В то время как в официальных письмах императору и сенату наместники и полководцы сообщали о крупных событиях, например о сражениях на границах империи и о походах за их пределы, частными письмами эта информация, обрстая новыми подробностями, распространялась среди достаточно широких кругов нобилитета. Этим обеспечивалось соответствующее мнение об административной и военной деятельности корреспондента и тех, о ком он писал. Так, Цицерон сообщает, что у него собралось множество писем о деятельности его брата в качестве наместника Азии (*Cic. Ep. ad Q. fr.* I. 1. 40). А Плиний Младший был достаточно информирован о деятельности Калестрия Тирона, проконсула Бетики, чтобы написать тому: «Ты поступаешь замечательно...; так и продолжай, повышая цену своей справедливости в глазах провинциалов своей большой человечностью» (*Plin. Ep.* IX. 5. – Пер. А. И. Доватура).

Другой формой создания положительного имиджа наместника было официальное выражение благодарности общинами (обычно городскими) провинциалов. Официальная надпись, делавшаяся по решению совета того или иного города на стене местного общественного здания, официально копировалась, а копия вручалась наместнику провинции (*Cic. Ep. Ad Q. fr.* I. 1. 30–31) или, уже в эпоху Империи, иногда направлялась в Рим императору [4, p. 419]. Хотя возможны были и менее официальные способы доведения до сведения императора изъявления благодарности провинциалов по отношению к представителям римских властей. Так, Плиний писал императору Траяну: «Фабия Валента, владыка,... я очень одобряю... у меня и воины, и горожане (т. е. провинциалы. – *С. Т.*), глубоко изведавшие его справедливость и человечность, наперерыв свидетельствуют о его качествах и лично и от имени города» (*Plin. Ep.* X. 86b. – Пер. М. Е. Сергеев).

Несомненно, аристократическая идентичность требовала признания управленческих и полководческих успехов как со стороны императора и подчиненного населения (провинциалов и солдат, например), так и со стороны членов сообщества самой знати. В отношении последнего важнейшим было недопущение дискредитации в глазах этого сообщества. Ювенал, обращаясь к собирательному наместнику провинции, в своей сатире иллюстрирует ту связь, которая в представлении римлян существовала между честной управленческой деятельностью и претензиями на аристократический статус: «Если чиста твоих присных толпа..., / То хоть от Пика свой род исчислай, и если прельщают / Древних тебя имена, выставляй хоть все войско титанов / Как твоих предков» (Juv. VIII. 127–132. – Пер. Д. Недовича и Ф. Петровского).

Иначе говоря, соблюдение данного аристократического кодекса было необходимым условием соответствующей идентичности. И, насколько можно судить по строкам сатиры Ювенала, *hominess novi* («новые люди», т. е. сенаторы гл. обр. всаднического происхождения) при условии соблюдения ими соответствующих норм поведения воспринимались в качестве вполне достойных представителей нобилитета уже в начале II в. Между тем к концу этого столетия в социальной жизни империи происходят важные перемены. Прежняя знать оказывается вынужденной уступить свое место выходцам из провинций, то есть тем представителям провинциальной знати, которая семейными связями со старой республиканской знатью была связана мало. Естественным средством их выдвижения было, как уже выше сказано, следование аристократическим практикам этой старой знати – и в том, что касается ценностно-поведенческого стиля, и в отношении главного ресурса статусности в данную эпоху – успешной военной и административной карьеры. Итогом этих процессов стала система власти, созданная императором Септимием Севером. По удачному выражению В. И. Кузищина, это был «бюрократизированный принципат». Безусловно, его возникновение было задано теми обстоятельствами, которые привели Севера к власти, то есть гражданская война 193–197 гг.

Не вдаваясь в социологическую проблему смены элит посредством социальных революций и гражданских войн, отметим, что Север не только сам был типичным *homo novus*, но и его окружение было во многом аналогичным. Однако было и то новое, что уже с самого начала (то есть с восшествия Септимия Севера в 193 г.) предопределило бюрократизацию системы. Многочисленные войны, отмечающие довольно долгое правление Севера (193–211 гг.), потребовали от него сохранять сформировавшуюся в период гражданской войны группу доверенных лиц, соратников и сподвижников. В источниках эти лица часто именуются *comitis* и *amici* [5, p. 77, 148]. В ходе сражений и походов эти сановники высших рангов действовали как своего рода генеральный штаб, в котором *viri militares* (аристократы, которые в ходе прохождения *cursus honorum* сосредоточились на полководче-

ской деятельности) играли главную роль. Т. Котуля справедливо охарактеризовал этих советников как императорский «штатско-военный штаб» [6, s. 91]. Современная польская исследовательница Д. Оконь довольно подробно изучила биографии этих примкнувших к Северу в самом начале гражданской войны наместников провинций, легатов легионов, префектов и т. д. Очевидно, что все это, судя по их биографиям и карьерам, были лица, характеризовавшиеся приверженностью выше обрисованному римскому аристократическому этосу [7, p. 16–43]. В периоды войн это были полководцы и военачальники, в мирное время, как пишет Дж. Крук, их главная задача состояла в том, чтобы помогать императору в делах управления государством и юриспруденции [5, p. 81].

Представители североанского ближнего круга отличались от прочих сенаторов тем, что они выполняли наиболее важные должностные обязанности в особенно сложные периоды правления Септимия Севера. Д. Окунь насчитывает 38 таких «сподвижников / соратников» (англ. *cooperators / collaborators*) [7, p. 41]. При всей малочисленности этого имперского правящего слоя, его члены существенно различались своим статусом, полномочиями, опытом, управленческими и прочими качествами. Соответственно, довольно непростым является вопрос о тех критериях, которыми руководствовался император, включая то или иное лицо в круг особо доверенных наместников провинций, командиров легионов и т. д. Представляется целесообразным рассмотреть состав этой группы на предмет следующих характеристик: родство с императором, род занимаемой должности, социальное и территориальное происхождение. Из группы в 38 человек только четверо были в родственных отношениях с императором. Тот факт, что среди членов правящей верхушки империи родственников императора было так мало, позволяет предположить, что Септимий Север, будучи *homo novus*, не имел в своем распоряжении достаточного количества подготовленных для назначения на высшие государственные посты сородичей. Впрочем, Д. Окунь полагает, что главной причиной могла быть малочисленность *gens* Септимиев. Однако данное предположение не подтверждается наличным эпиграфическим материалом, в котором *nomen gentile* Септимиев встречается довольно часто (PIR T. 3. № 305–355). Тем не менее очевидно, что императорские родственники пользовались преференциями в том, что касалось занятия высших государственных постов.

Среди членов анализируемой группы высших сановников 24 человека были *viri militares* [7, p. 41]. Данное положение, когда две трети всего императорского окружения были теми, кто выдвинулся благодаря военной службе, не кажется удивительным ввиду той роли, которую в системе правления Севера играла армия.

Всего четыре человека среди доверенных лиц императора представляли старые сенаторские фамилии, тогда как остальные 34 человека могут считаться *homines novi* [7, p. 41]. Малое количество представителей старых фа-

милый в этой группе может быть результатом или сдержанности, с которой сенаторская знать приняла императора из Лептис Магны, или подозрительности, которую император сохранял по отношению к этой среде, тем более что аристократия поддержала его противников в ходе гражданской войны [8, s. 111] императорских сподвижников.

Анализ территориального происхождения влиятельных сенаторов также позволяет прийти к интересным наблюдениям: 16 человек происходят из Африки, 9 – из Италии, 6 – из восточных провинций Римской империи, тогда как из западных провинций (из Испании) – лишь 3 человека [7, p. 42]. Территориальное происхождение остальных четырех пока не установлено.

То обстоятельство, что большинство сенаторов (89,4 %) из данной группы характеризуются установленным территориальным происхождением, позволяет нам осветить вопрос о зависимости продвижения на высшие государственные посты от происхождения означенных лиц. Большое количество выходцев из Африки (16 из 38) не кажется удивительным с учетом того, откуда происходил сам Север, и где, соответственно, связи его семьи были наиболее крепкими. С другой стороны, мы должны учитывать, что земляки императора были наиболее надежной опорой власти этого императора, поскольку никакой другой властитель Рима, очевидно, не стал бы с той же надежностью гарантировать сохранение их статуса исходя из их территориального происхождения. Присутствие же в данной группе италийцев и представителей грекоязычного Востока (то есть восточных провинций Римской империи), вероятно, отражало их активное участие в администрации Римской империи. Император, скорее всего, знал их лично еще со времен своей службы на различных должностях, и затем, придя к власти, просто предложил им высокие административные посты. Хорошим примером того, как могли попадать в группу доверенных лиц императора выходцы из той или иной части империи, являются испанцы, которые, вероятней всего, были друзьями Севера со времен его службы в этой провинции [9, p. 49–50].

Соотнеся имеющиеся количественные данные, можно понять те критерии, на основании которых император формировал свой круг доверенных сановников. Поскольку эта группа была представлена по преимуществу опытными военными, *homines novi* и выходцами из Африки, то можно заключить, что Септимий Север предпочитал быть окруженным людьми, имевшими такое же происхождение и такой же *cursus honorum*, как и у него самого, придерживавшимися тех же ценностных установок, что и он сам. Очевидно, что и аристократическая идентичность североафриканской элиты была того же генеза, что и у самого императора. Важнейшее место здесь имел все тот же критерий успешности в качестве администратора и полководца, то есть те качества и результаты, которые, как было доказано К. Кристом, у Севера присутствовали в полной мере [10, с. 242].

Таким образом, фундаментальные принципы аристократического образа жизни и мысли, стиля и этоса по мере бюрократизации римской государ-

ственной машины приобретали все большее значение. Превращаясь в некий объект сакрального отношения, аристократический этос формировал идентичность римского нобилитета тем интенсивней, чем менее знатным был род соответствующего представителя правящей элиты. Септимий Север и его окружение здесь – яркий пример. Существенно, что Септимий Север поначалу принял имя одного из своих предшественников – императора Пертинакса, происходившего из семьи вольноотпущенника, но ставшего образцом староримских аристократических добродетелей (Dio LXXIV. 5. 1–3). Успешность Пертинакса в качестве управленца имеет прямую параллель с результативностью карьеры самого Севера и его окружения, подтвердивших свою аристократическую идентичность путем успешной административной и военной деятельности.

Список использованных источников

1. *Егоров, А. Б.* Римская аристократия, ее сущность и историческая роль / А. Б. Егоров // Нобилитет в истории Старой Европы / под ред. С. Е. Федорова. – СПб.: Изд. СПбГУ, 2010. – С. 120–138.
2. *Barnes, T. D.* The Family and Career of Septimius Severus / T. D. Barnes // *Historia*. – 1967. – Bd. XVI. – Hft. 1. – P. 87–107.
3. *Campbell, J. B.* The Emperor and the Roman Army: 31 BC–AD 235 / J. B. Campbell. – Oxford: Clarendon Press, 1984. – XIX. – P. 303–314.
4. *Millar, F.* The Emperor in the Roman World (31 BC–AD 337) / F. Millar. – London: Trinity Press, 1977. – XVI, 656 p.
5. *Crook, J.* Consilium Principis, Imperial Councils and Counsellors from Augustus to Diocletian / J. Crook. – Cambridge: University Press, 1955. – 198 p.
6. *Kotula, T.* Septymiusz Sewerus. Cesarz z Lepcis Magna / T. Kotula. – Wrocław: Zakł. Nar. im. Ossolineum, 1987. – 188 s.
7. *Okoń, D.* Septimius Severus et senatores. Septimius Severus' Personal Policy Towards Senators in the Light of Prosopographic Research (193–211 A.D.) / D. Okoń, – Szczecin: Wyd. Nauk. Uniwersytetu Szczecińskiego, 2012. – 147 p.
8. *Leunissen, P. M. M.* Konsuln und Konsulare in der Zeit von Kommodus bis Severus Alexander (180–235 n. Chr.). Prosopographische Untersuchungen zur senatorischen Elite im römischen Kaiserreich / P. M. M. , P. M. M. Leunissen. – Amsterdam: Brill, 1989. – 505 s.
9. *Birley, R.* Septimius Severus. The African Emperor / R. Birley. – London: Batsford, 1988. – XII, 292 p.
10. *Крист, К.* История времен римских императоров / К. Крист; пер. с нем. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – Т. 2. – 512 с.

(Дата подачи: 17.02.2017 г.)